

ЮЛИЯ РЕЗНИК

То любви

Юлия Резник

По любви

«Юлия Резник»

2023

Резник Ю.

По любви / Ю. Резник — «Юлия Резник», 2023

– В смысле – аннулируют вид на жительство? Вам? – открыв рот, гляжу на шефа. – И что же мы будем делать? – Юрист предлагает мне заключить фиктивный брак. – Способ – верняк. Что, вы не найдёте девушки, которой могли бы довериться в этом деликатном вопросе? – поддакивает тот самый юрист. – Да я уже вообще никому не верю! Если только тебе. И еще, вон, Нине Васильевне. Я машинально киваю. Доверие я заслужила, кто ж спорит? Десять лет прошли как один день, я еще у истоков фирмы стояла. Теперь вот главбух. Так, стоп. Он же не намекает, что я... Да нет! С опаской отрываю взгляд от блокнота и медленно веду по лицам уставившихся на меня мужиков. – Ч-что? – Вы же не замужем, Нина Васильевна? В книге присутствует нецензурная брань!

© Резник Ю., 2023

© Юлия Резник, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Резник

По любви

Глава 1

Нина

Смешно, но когда ко мне в кабинет ворвались вооруженные до зубов люди в масках, я вовсе не испугалась, как поступил бы на моем месте любой нормальный главбух. Я как-то отстранённо, будто это не меня сейчас довольно бесцеремонно уложили мордой в стол, подумала, что из этой оказии вышел бы неплохой сценарий для порнофильма. Ну, посудите сами – невзрачная старая дева, считай, с голым задом. Бравые здоровяки со стволами.

С ними-то, со стволами, наверное, все более-менее понятно. Ну, какие маски-шоу без стволов? К голому зад у вас, наверное, больше вопросов. Только не подумайте, что у нас в фирме какой-то специальный извращужный дресс-код. Нет такого и близко, мы тут все в большинстве своем приличные люди. Просто маски-шоу к нам нагрянули аккурат в тот момент, когда я, закрыв, наконец, 1С, решила переодеться к корпоративу.

Так ведь из года в год происходит. Все нормальные люди уже вовсю веселятся, и только бухгалтерия до победного пашет. Кстати, это хорошо объясняет, почему в большинстве вирусных роликов с этих самых корпоратов самыми яркими звездами становятся именно тетки-главбухши. Когда давит такая ответственность, иногда срывает резьбу. Я и сама едва сдерживаюсь от того, чтобы не выкинуть какой-нибудь фокус. Спеть, там, или сплясать... на столе. Кстати, о столах. Как же твердо! Наверняка на коже останутся синяки. Хорошо, что я только брюки успела снять. Не то бы совсем вышло неловко. С другой стороны, что может быть хуже моей задранной кверху огромной, как луна, пятой точки? Только то, что на ней ничего не прикрывающие развратные красные стринги. Носила бы нормальные трусы, глядишь, было бы не так стыдно. Во всем виновата моя соседка баба Маня. Это она меня, сколько я себя помню, страшила, что женщине полагается носить исключительно красивое белье. А то вдруг сердечный приступ, или, там, какая авария. Привезут в больницу, разденут, а на тебе застиранные рейтузы! С моей нервной работой сердечный приступ мог случиться в любой момент. Так что я решила судьбу не испытывать и всегда быть на стреме. То есть в красивых трусах. Да и вообще. Должны же быть у женщины хоть какие-то слабости? Моя слабость – эротичное нижнее белье.

– Всем ни с места! Идет обыск! – рявкает, наверное, главный. В кабинете кроме меня никого нет. И орет он лишь для того, чтобы запугать и подавить любую попытку к сопротивлению. Тактика здесь понятная.

– Вы бы, милейший человек, сначала представились и предъявили протокол... – усмехаюсь я.

– Заткнись!

Ах, значит, решили по беспределу. Ладно. Судорожно соображаю, как быть дальше. Все-таки мне еще не доводилось бывать в таких ситуациях прежде. И хоть в теории я прекрасно натаскана, как в них себя вести, с голым задом не так-то просто чего-то требовать. Да и вообще сохранять спокойствие.

– И понятых я что-то не вижу, – приподнимаюсь, с трудом вытаскиваю руку, зажатую между собственным телом и крышкой стола. Тянусь к брошенному тут же телефону. – Я вызываю полицию!

Угу, полицию на полицию, чтобы зафиксировать факт. А потом в суде отбить можно будет все, что угодно. Главное, доказать, что обыск происходит с нарушением и без должной санкции.

– Кир, угомони сучку.

– Что... здесь... происходит?

Я всхлипываю от облегчения. Этот голос... Я даже не знаю... Кажется, моему начальнику и делать ничего не нужно, просто вот так спокойно говорить, и все проблемы рассосутся сами собой.

– Никто не выходит и не заходит! Идет обыск! Вы кто?! Юр, давай, тащи его сюда тоже.

То, что со Ставросом Агафоновичем кто-то может поступить так же бесцеремонно, как со мной, сложно даже представить. Такой он весь из себя самец – всегда сосредоточенный, собранный, все у него под контролем. А если что и пойдет не так, он тут же все на свете разрулит.

О боже! О боже мой! Нет!!! Ни в коем случае. Только не сюда его! Я же...

– Я – генеральный директор и учредитель в одном лице. – В спокойном голосе Ставроса Агафоновича проскальзывают те самые металлические нотки, от которых лично меня в пот бросает. Он нечасто прибегает к подобным интонациям. Оттого каждый раз все так остро. Если бы злоупотреблял – уже бы не было того эффекта, а так... Я переступаю с ноги на ногу. – Это еще что такое? Какие-то передовые методики обыска? Немедленно ее отпустите!

Боже, он думает, что брюки с меня стащили менты?! Интересно, что, по-его мнению, они искали. А главное, где?

Все. Я уволюсь. Нет. Лучше застрелюсь. С моих губ срывается жалобный всхлип. Глуша его, я на секунду до боли прикусываю губу и, тут же обернувшись, под стать шефу ровно, без истерик замечаю:

– Ставрос Агафонович, у них постановления нет. И понятых нет. В таких случаях понятых на...

Я хочу сказать «надо», но одна из горилл опять тычет меня лицом в стол.

– Твою мать! Вы че творите, черти? Я ж вас размажу... – стали в голосе Николоу становиться больше. Он ругается редко. Практически никогда. Но когда это случается, господа, у меня даже в узких туфлях поджимаются пальцы. Я снова переступаю с ноги на ногу. Между бедер становится влажно. Нет, я не извращенка. Просто на страх и на возбуждение организм дает одну и ту же реакцию. Такие дела. Чистая физиология. Ягодицы конвульсивно сжимаются.

– Юра, заткни этого мудилу.

Слышу приглушенный звук удара и шипение, с которым воздух покидает легкие моего шефа.

«Ну, все, ваше дело труба!» – проносится в голове. Ставрос в жизни никому такого не спустит с рук. Я-то, ладно. Но он... Там гордости столько, что мама дорогая. Она в каждом повороте головы просматривается, в каждом преисполненном достоинства жесте. Впрочем, в этой голове еще и мозги имеются. Вот почему он все терпеливо сносит, вместо того, чтобы ответить. Не дает повода «пришить» себе статью. А ведь ходит на бокс, я знаю. И наверняка может постоять за себя, как сделал бы на его месте любой другой мужик. Но не Ставрос. У того нервы – стальные канаты. Вот с кого мне надо бы брать пример. Сама-то я уже на грани истерики. Как представлю, что он меня в таком виде лицезрит, так хоть плачь. Никакой обыск бы так на меня не подействовал. Ведь пришить мне ничего не получится. Бухгалтерия у меня прозрачная, как слеза младенца. Что толку переживать? Другое дело – моя голая огромная, как луна, задница. И поза эта, самая унижительная из всех возможных. Стою на каблуках. Ноги дрожат от напряжения. Уж лучше бы меня на пол уложили. Как это делают в боевиках.

С губ рвется всхлип. Но к счастью, его заглушает телефонная трель. Это Николоу звонят. Я хорошо знакома с рингтоном, установленным у него на дозвон.

– Кир, глянь, кто там греку наяривает.

Возня. Я ко всем спиной – ни черта не вижу. Заломленная рука ноет. Отражение в стекле размывают выступившие на глазах слезы.

- Бля... Это Бадоев.
- Прокурор, что ли?
- Похоже на то. Что будем делать?

Молодчики явно нервничают. Я злорадствую. Хотя, может, рано радоваться. Как знать? Ставрос вроде с прокурором дружит. Но мало ли, кто стоит за наездом на нас. Может, покруче люди. С другой стороны, будь это кто-то серьезный, неужто бы он не озаботился тем, чтобы оформить несчастный обыск по правилам? Верилось в это с трудом.

Решают долго. Шушукуются, не зная, как поступить. Прокурор успевает сбросить. И позвонить заново. Когда Ставросу Агафоновичу все-таки дают трубку.

– Привет, Мурат Аркадьевич. И тебя с наступающим. Да-да, счастья, здоровья, поменьше геморя на работе, побольше толковых помощников. Да уж, веселюсь. – Иронично. – Угу. Такое веселье, знаешь ли. Захожу к своему главбуху...

А она тут раком. Это я уже придумываю от себя, конечно. Николоу так не говорит. Сдерживать истерику все сложнее. Рука болит – кошмар.

– ... а у нее тут в кабинете маски-шоу. Ни постановления, ни понятых. Ни хрена нет. Да уж поговори, если хочется. Я трубку передаю...

Позади опять происходит какая-то возня.

– Девочку мою отпустите! – звучит приказом, который, впрочем, никто пока не торопится исполнять. Руку мне еще сильнее заламывают. Я всхлипываю. Приподнимаюсь на носочках, чтобы уменьшить боль, хотя, кажется, куда там подниматься? И так ведь на каблуках стою!

Он назвал меня своей девочкой. Мама дорогая! Я, конечно, предпочла бы, чтобы это прозвучало при других обстоятельствах, но учитывая, что с ним мне никогда ничего не светило, спасибо и на этом! Буду «его девочку» вспоминать. Одинокими холодными ночами. Погрузившись в жалость к себе, разговор гориллы с прокурором пропускаю. В реальность возвращает резкая боль. Да, меня отпустили, но рука теперь болит, как ее ни поверни. Закусываю губу, чтобы не разреветься в голос. Не пристало женщине моего возраста и положения плакать. Соскребаю себя со стола. Обернуться боюсь. Стыдно.

– Уходим, ребят.

После разговора с прокурором головорезы покидают мой кабинет так же стремительно, как в нем появились. Все. Я больше просто не имею права стоять... голожопой статуей.

Первым делом снимаю туфли, спускаясь с небес на землю. Без них я подошедшему ко мне шефу едва до груди достаю.

– Что здесь происходило? – интересуется Николоу, протягивая мне брюки. Я медленно моргаю. Так, Нина, заканчивай! Ты уже научилась фильтровать. Давай, дурочка, бери себя в руки! Но как? Пахнет он... М-м-м! Забираю не пострадавшей рукой штаны.

– Это, наверное, мне у вас надо спрашивать, Ставрос Агафоныч. У меня все чисто. Вы же знаете. Но если хотите проверить...

– Ну что вы, Нина Васильевна!

Ага. А еще недавно я была его девочкой. Может, мне в следующий раз нанять каких-то актеров и повторить вот это все – нападение, обыск... Осекаюсь. Ругаю себя – совсем ты, Зайка, спятила.

Зайка – это моя фамилия. Без дураков.

– Вы не могли бы выйти, чтобы я привела себя в порядок? – нащупываю очки.

– Справитесь сами? Ваша рука...

– Уверяю вас, гораздо больше пострадало мое чувство собственного достоинства.

Сто процентов. Но рука тоже болит ужасно. Надо бы съездить в травму, но представив, какая очередь там будет под Новый год, я от этой идеи отказываюсь. Скорее всего, у меня растяжение связок. Отлежусь на длинных выходных дома – и все пройдет. Один черт у меня нет никаких планов.

Собираюсь с силами и поднимаю глаза на Николоу. Тот смотрит на меня как-то странно. Это понятно. Гораздо удивительней было бы, если бы не смотрел. Я сглатываю собравшуюся во рту слюну. Он поднимает руку. Мои глаза и мой рот шокированно распахиваются. Он же не хочет...

– У вас тушь потекла.

– Да. Извините. От боли глаза слезились.

– Вы вели себя очень смело.

– Благодарю, – поджимаю губы. – Но теперь, думаю, будет правильно вызвать Никиту Семеновича. Может быть, он сможет сделать так, чтобы мне больше не пришлось еще раз это пережить.

Никита Азаров – начальник юридического отдела. Довольно толковый парень.

– Да он уже в хлам, наверное.

Тут бы Ставросу улыбнуться. А он все продолжает на меня пялиться. Потом, будто очнувшись, спохватывается.

– Но проверить не мешает, – стремительно шагает к двери. Я делаю жадный вдох, только сейчас понимая, что все это время и не дышала. Николау оборачивается.

– Нина Васильевна!

– Да? – прикрываюсь злосчастными штанами.

– Я понимаю, что вы хотели повеселиться...

– Нет уж. Веселья с меня достаточно.

– Но, если можно, задержитесь, пожалуйста. Нам не помешает брейншторм. Ситуация, мягко сказать, неординарная. Надо понимать, кому мы перешли дорогу.

– Конечно, – замечаю сухо. – Я буду готова.

– Отлично. Я потом вас отвезу. Не переживайте.

Ни хрена себе! Я вообще-то тут десять лет работаю. Считаю, с момента основания. И до этого шеф ни разу мне ничего подобного не предлагал. Впрочем, ему прекрасно известно, что я – на колесах.

– Я на машине. Спасибо.

– Не думаю, что вам сегодня стоит садиться за руль. Я подвезу. Мне нетрудно.

Когда он говорит таким тихим, давящим голосом, лучше помолчать. Я киваю. На коже выступают крупные мурашки. Штанов на мне до сих пор нет, и те стадом бегают по моей коже. С ног до головы, с ног до головы...

И конечно, я понимаю, что это невозможно, но мне не иначе как сдуру кажется, что эти своенравные твари не остаются незамеченными.

Глава 2

Ставрос

– Ставрос Агафонович, ау! Вы меня слышите?

Это как сказать. Я чувствую себя несколько оглушенным. Кто бы мог подумать, что под старушечьими тряпками моей главбухши скрывается такое? Задумчиво тру заросшую к концу дня морду. Не знаю, чего больше хочется – спать или... Перевожу взгляд на чинно восседающую возле меня Нину Васильевну. Кажется, или она правда розовеет? С улыбкой, которая не касается губ (обидеть бедняжку не хочется!), вспоминаю обстоятельства нашей последней встречи. Смешного тут, конечно, мало. И, безусловно, надо разобраться, что за херня происходит. За все время, что я работаю в этой стране, никогда еще ко мне никто вот так не врывался. Хоть регион сложный, и желающих себе оттяпать кусок пожирней любыми способами – тьма. Но я тем и славлюсь, что умею договариваться со всеми. Так кому в итоге я перешел дорогу? Надо выяснить. Я не debil, чтобы пропускать такие звоночки. Но все же... Ауффф! Перед глазами – напряженные до дрожи в мышцах ноги на убийственных шпильках и, наверное, самая аппетитная, самая роскошная задница из всех, что мне доводилось видеть. Какого черта она скрывает ее под бесформенными балахонами?

Из колонки внизу, где уже вовсю веселятся сотрудники офиса, очередная певичка орет «Отсоси! Отсоси! Отсоси! И-го-лочку...».

Нина Васильевна вздрагивает. Опускает глаза на сцепленные в замок на столе руки. Я закусываю щеку, чтобы не заржать. И тут дверь в кабинет, где мы все собрались, открывается. Звук становится громче, отчетливей.

«От сосны... От сосны мне оторви иголочку!» – требует певичка¹.

Ни о каком отсосе речи в песне, конечно же, нет. Нина Васильевна закашливается. Что ей послышалось – понятно. Не я один тут озабоченный. Прячусь за бумажками, которые мне подсунил на ознакомление Азаров. Ситуация у нас сложная. Мое веселье совершенно неуместно. Как и мои желания – от отсоса сейчас я бы, даже учитывая наши стремные обстоятельства, не отказался.

– Ч-что это?

– Это административный протокол. На вас.

– Какое отношение он имеет к происходящему? – свожу над переносицей брови.

– Пока не знаю. Может быть, и никакого. Но учитывая, что два протокола кряду дают основание для аннулирования вашего вида на жительство, я бы напрягся.

Та-а-ак. Кладу бумажку на стол. Читаю уже внимательнее.

– Я не мочился под елками возле городской администрации! Что за бред вообще? Это какая-то ошибка.

– Или намеренная провокация.

– Это же оспаривается, я надеюсь?

– Конечно, – пожимает плечами Никита. В хлам, как я думал, он не нажрался. Но глаза блестят. И настроение у него расслабленное, что редкость.

– Ну что? Отбивай все, что сможешь отбить.

– Надо бы посмотреть, как у вас со штрафами обстоят дела.

– Посмотри. И если никаких идей больше нет – иди, отдыхай. Я сам тут пораскину мозгами. Не могу отделаться от мысли, что мы что-то упускаем.

---

¹ Потап и Настя – «Новый год»

– Ментов надо тряхнуть. Это по их части отмашка. Зуб даю. Вроде у них не менялось руководство. Я бы знал. Может, мелкая сошка какая оборзела? Судя по тому, как топорно все было сляпано – вообще не удивлюсь.

– С этим мне Бадоев обещал разобраться. Пусть отрабатывает. Что, мы ему зря деньги платим?

– Когда обещает информацию? Она нам вообще-то еще вчера была нужна.

– Да знаю я, – отмахиваюсь, надеваю очки и опять подношу к глазам протокол, в котором что-то меня смущает.

– Никит, слушай, ты посмотри, уж не в эти ли даты я в минрегионразвитии на совещании был?

– Точно! – оживляется Азаров. – Я бы сам вспомнил, Ставрос Агафоныч...

– Если бы меньше выпил. Я понял, – заканчиваю за него. – Не парься. – Нина Васильевна?

Главбухша, которая на стуле сидит так прямо, будто ей в задницу вбили кол, вытягивается еще усерднее.

– Да?

– У вас есть что добавить к сказанному?

– Нет. По моей части никаких наездов не было. – Четко, будто рапорт зачитывает. А отрапортовав, знакомым образом поджимает губы. Вот из-за того, что они у нее всегда так поджаты, я и не обращал никогда внимания, какие они... А сегодня обратил на свою голову. Когда она их, пересохшие и дрожащие от испуга, облизывала. – Вообще никаких, – добавляет, опять смачивая губы языком. – Ни предписаний, ни писем. А плановую проверку мы без нареканий прошли еще в августе.

Да. Я помню. Не помню только, выписал ли я ей за это премию. Может быть, да, а может, и нет. Не помню, чтобы Нина Васильевна просила, а сам я мог забыть.

– Еще раз извините за то, что вам пришлось пережить сегодня.

– Вы не виноваты.

– Тогда забирайте пальто. Я вас отвезу.

– Ставрос Агафоныч, может, вам не надо сейчас за руль, – замечает Азаров.

– Чего это?

– Лучше водилу берите. Чтобы на вас никаких протоколов нельзя было составить.

– Да пофиг. Не будет этих, они напишут, что я елки удобряю. Вон... – отшвыриваю от себя бумажку. Из рта главбухши вырывается испуганный смешок. Застываю, повернув к ней голову. Избегая моего взгляда, Нина Васильевна бочком выходит из кабинета. Интересно, если там такой тыл, то что с передом? Тоже ведь под пиджаками оверсайз прячет! Они ей страшно не идут. Пошла же мода!

– Никита Семеныч, погоди! А что мы про нашего главбуха знаем?

– А с чего вдруг интерес? – Азаров возвращается в свое кресло. – Вы на Зайку нашу грешите? – изумленно вскидывает брови.

– Да нет. Просто интересно. Работаю с человеком бок о бок уже... Слушай, а сколько она у меня работает? Что главбух два года, помню, но она же раньше пришла. Почти в самом начале.

– Не почти. А с самого открытия она тут, – часто и быстро кивает Никита. – Помните, как вы взяли тогдашнему главбуху помощника?

– Как такое забудешь?

Славное было время. Еле выкручивались. Главбух загибался, но я еще очень долго не мог себе позволить взять ей кого-то в помощь. Банально не тянул по деньгам.

– Ну, вот это Нина была. После вышки сразу к нам пришла девочка.

– Припоминаю, – морщусь. Собственно, по этой причине, когда предыдущий главбух ушел, я и доверил Нине Васильевне свою бухгалтерию. Если кто и разбирался с ней досконально, то это она. Не припоминаю вопросов по ее части, которые Зайка не смогла бы закрыть.

– Тогда что вас интересует? – недоумевает Азаров.

– Как она вообще? Чем живет? Есть муж, дети?

Сейчас-то, когда мы разрослись и обзавелись собственной службой безопасности, любой наш сотрудник при приеме на работу подвергается тщательнейшей проверке. Но когда я нанимал Зайку, меньше всего меня волновала ее подноготная. Мне просто нужно было найти дурочку, которая согласилась бы впахивать день и ночь за три копейки. Какие уж тут проверки? Кому их было проводить? Не самому же за ней шпионить. Я и так в то время крутился, как мог. Сам себя не помню в те годы. Да и не стояла у нас тут очередь из желающих попасть в рабство.

– Ставрос Агафонович, – ржет Азаров, – если бы она кого-нибудь родила, боюсь, даже вы заметили бы.

Хмыкаю. Ну, да. Живот бы я, наверное, не проглядел. Хотя и это не факт. Балахоны, которые какого-то черта предпочитала носить моя горячая (кто бы мог подумать?) главбухша, можно запросто использовать как палатку. Прятала же она каким-то непостижимым образом от меня свой шикарный зад? Я думал... Нет. Не так. Я вообще про нее не думал. Мне было абсолютно плевать, какая она под одеждой. Толстая или тонкая. Фигуристая или шарообразная. А теперь же... проклятье. Ну, просто конец света какой-то! Закрываю глаза, а на обратной стороне век – ее задница, упакованная в алые стринги с бантиком. И ноги ладные в каблуках. И чулки! Кто бы мог подумать, что под всеми этими невзрачными скучными тряпками такое сокровище? Как прикажете дальше совещания вести? Я ж теперь все время буду гадать, что там на ней надето!

Член, который и не думал падать все это время, дергается, больно упираясь в ширинку. Стискиваю зубы. Трахаться нужно не только с работой – факт, о котором не стоит забывать, сколько бы этой самой работы на тебя ни свалилось. Иначе всякое непотребство начинает лезть в голову. Например, желание трахнуть собственную же главбухшу. Которую трахнуть, конечно же, можно, другое дело, что я буду делать потом? Ругаться с человеком, на котором завязан весь твой бизнес – глупо. А то, что разовый перепихон – достаточный повод для ссор и обиды, и к бабке ходить не надо.

Нет уж. Спасибо. Я пока еще в ладу с головой.

Но какая же задница!

Пока я предаюсь то ли мечтам, то ли воспоминаниям, дверь в кабинет открывается, впуская стайку щебечущих девиц. Самая бойкая выступает вперед:

– Ставрос Агафоныч, а можно мы Никиту Семеновича украдем? Праздник же, а вы все работаете!

– Воруйте! – милостиво разрешаю.

– А вас? Вас своровать можно? – хихикает еще одна.

– Извините, девочки, но я – пас. У нас тут неприятная история случилась.

– Значит, правда, что к нам группу захвата присылали?!

– Правда-правда. Но мы все уладили, – нетерпеливо смотрю на часы. Нина Васильевна уже наверняка оделась и теперь стоит, парится. – Все на выход!

В кабинете главбуха заперто. Хмурюсь. Я привык, чтобы мои команды выполнялись четко. Неужели Лунополая не дождалась и уехала? Заглядываю на всякий случай в приемную – тоже никого. Все веселятся. Может, и моя Нина Васильевна решила оторваться, на всё забив? Спускаюсь вниз.

– Марин, ты Нину Васильевну не видела?

– Она, по-моему, уже ушла.

Киваю, едва сумев скрыть досаду. Стремительно выхожу на улицу. Замечаю ее сразу. Стоит под фонарем, смотрит, как снежинки кружатся. Если она пришла к нам сразу после института, то сколько ей? Тридцать два? Тридцать три? Не больше.

– Нина! – Ну, какая она Васильевна, даже если ей тридцать три? – Давай, запрыгивай.

Она, наверное, удивлена, что я перешел на ты. Мне же кажется, то, что я видел ее голую задницу, дает мне повод не выкать. Может быть, это ошибка. Да и похрен. Никто мне не мешает вернуться к прежнему формату общения завтра. Посмеиваясь, открываю перед ней, изумленной, дверь.

– Я могла бы вести свою...

– Могла бы. Но не стоит. Садись уже, – команду. Нина ежится. На улице не май, но и не особенно холодно. Неужто такая отзывчивая? Трясу головой, потому как перед глазами – сами знаете, что стоит. Пипец скручивает. Как пацана сопливого. Обхожу капот, усаживаюсь рядом. Нина возится с ремнем, который никак не поддается. Поворачиваюсь к ней, включаю свет в салоне. Наклоняюсь. Помогаю защелкнуть ремень.

Она всегда так пахнет? Или это из-за шока? Да чтоб тебя!

Машина успела прогреться. И медлю я лишь потому, что не мешало бы мне перед тем, как трогаться, сначала прийти в себя. Поворачиваюсь, надо же что-то сказать по случаю. Тянусь, чтобы выключить свет. И замираю, увидев, куда моя главбухша пялится, не отрывая глаз. Эм... Как-то я не подумал, что мой стояк будет так очевиден. Медленно выдыхаю. Нина, мать его, Васильевна, зачарованно трясет головой, поднимает глаза, но те, тряси не тряси, все равно абсолютно пьяные. Мне почему-то кажется, что расстегни я сейчас ширинку, даже просить ничего не пришлось бы. Такая она голодная.

Ах ты ж черт. Гребаный ад!

Не знаю, что бы я сделал, если бы у нее не зазвонил телефон. Не знаю, что бы она сделала...

– Да! – хрипло, резко, как выстрел. – Да, Юлий Борисович, что случилось? Д-да. Конечно. Я прямо сейчас приеду. Дайте мне, – глядит на торпеду, где светятся часы, – минут тридцать-сорок.

Кивает, отвернувшись к окну. Что-то там говорит, нервно потирая свободной рукой бедро.

– Что произошло? – хмурюсь я.

– Возникли кое-какие дела. Я все-таки сама поеду.

– Я отвезу.

– Нет. Что вы, Ставрос Агафоныч. Вас, наверное, уже ждут. А мне далеко, совсем в другую сторону. Не волнуйтесь, я прекрасно владею собой. Ничего не случится.

О! Я ничуть не сомневаюсь. Что она собой... владеет. Просто стремно после всего вот так ее отпускать. Хотелось хоть что-то хорошее сделать.

– Точно?

– Конечно. Спасибо еще раз.

На этот раз с ремнем никаких проблем не возникает. Нина Васильевна на прощание опять поджимает губы и уходит, оставляя после себя аромат снежной ночи и женщины. Двадцати минут до дома не хватает, чтобы остыть. Проворачиваю ключ. Толкаю дверь.

– Вик, я дома!

Глава 3

Нина

Садясь за руль, я явно недооценила боль в руке. Вести сложно. Еле плетусь, тихонько хныча. Ну, почему именно сейчас, мама? Ну, какого дьявола? Как так выходит, что, даже находясь за десятки километров от меня, ты умудряешься портить мне жизнь? Ведь сегодня один из тех редких дней, когда я могла побыть с ним хоть еще немного! А до этого мы вместе только в налоговую пару раз по делам ездили. И все.

В ушах звенит залиvistый мамин хохот: «Ну что же ты жалкая такая, Нинка? Надеешься еще на что-то! Вот скажи, на кой ему старая дева вроде тебя?».

Всклипываю. Сбрасываю скорость. Сзади недовольно сигналият. Даже через закрытые окна до меня вполне отчетливо доносится вот это все стандартно-сексистское про тупых баб, которые вместо прав лучше б мозги купили. Показываю в ответ фак. Идите на хрен! Я отличный водитель. Плохие же дни случаются у всех. Вне зависимости от пола.

А со Ставросом я ни на что не надеюсь, мама. Просто мне нравится находиться с ним рядом. Слушать, как он говорит. Учиться у него всякому. Вдыхать его аромат, который мне даже не сказать что нравится – слишком уж он резкий и чужеродный для меня, никогда не знавшей мужчины. Офигеть до чего волнующий! Как-то я полдня провела в Сефоре. И перенюхав там весь мужской парфюм, так и не нашла хоть что-то похожее, чтобы им свою подушку побрызгать.

«Спятила ты, Нинка. Дура! Смирись уже с тем, что ты никому не нужна».

Сама не помню, когда мамины «Смотри, в подоле не принеси! Убью!» сменились на «Что ж ты все одна, да одна? Нашла бы уже кого-то. И у Люськи уже Светка замуж выскочила, и у Верочки...».

Иной раз так хотелось ей крикнуть – вот если бы не боялась как огня принести в подоле, может, уже все бы у меня было! А так, господи, смешно сказать – девственница в тридцать два! И чем дальше, тем призрачней шанс с этой девственностью расстаться. Шанс призрачней, да, а желание все сильнее. Иногда думать ни о чем другом не могу. Просто какая-то навязчивая идея, которая медленно сводит меня с ума. Как еще объяснить то, что мне в машине Николоу почудилось?

Ловлю себя на том, что касаюсь лица пальцами. В панике отдергиваю ладонь. Съезжаю на обочину и под оглушительную канонаду возмущенных сигналов включаю в салоне свет. Фух! Пронесло. Ресницы, брови на месте. Был у меня период в юности, когда на нервной почве я начала их вырывать. Мне пришлось здорово потрудиться с психологом, чтобы избавиться от привычки себя калечить, научившись выпускать свой гнев наружу, а не путем аутоагрессии. Но я до сих пор боюсь, что невроз вернется.

«Посмотри на себя! Что ты с собой делаешь? И так не красавица, а без бровей и ресниц вообще на черта похожа!»

Вдох-выдох. Я нор-маль-на-я. Тру лицо. Надо поспешить. На дорогу уходит в два раза больше времени, чем я обещала Юлию Борисовичу. Вбегаю вверх по ступенькам. Настороженно толкаю дверь. Все тихо. С потолков свисает мишура, со стен подмигивают гирлянды. А в углу даже стоит живая пушистая елочка. Реабилитационные центры тоже украшают к праздникам. Ничто так не способствует выздоровлению, как хорошее настроение пациентов.

– Ох, Нина Васильевна! Мы вас уже заждались.

– Добрый вечер. Да, Юлий Борисыч звонил. Что случилось? Маме хуже?

– У нее сегодня плохой день. И у нас из-за этого тоже, – хмурит брови Леночка. Я с сожалением касаюсь ее руки.

– Опять кидалась тарелками?

– Хуже. Санитарочку укусила. Совсем у нее с головой беда. Все хуже и хуже. Хорошо, инсульт не на всех так действует.

Стараюсь не засмеяться, потому что проблемы с головой у моей матери начались явно задолго до инсульта. Она была психически нестабильна всю жизнь. Никак иначе я не могу объяснить ее ко мне отношение. Мать была глубоко несчастной. И делала несчастными всех вокруг. Не сомневаюсь, что именно поэтому мой отец сбежал, не дождавсь родов. Удивительно, что я сама еще никуда не сбежала. Вон, даже реабилитацию ей оплачиваю, на которую уходит львиная доля моих доходов. Взвалила на себя крест и тещу.

– Вы ей успокоительное вкололи?

– Ага. Слава богу, спит.

– А о чем Юлий Борисыч хотел со мной поговорить, не в курсе?

Олечка отводит глаза и врет, что не знает. Я напрягаюсь. Понятия не имею, как быть, если мать выставят и отсюда. Одно знаю точно – с ней жить я не буду.

Интуиция меня не подводит. Юлий Борисович явно вознамерился соскочить.

– Вы поймите, это реабилитационный центр. А у вас – безнадежная ситуация.

– Что же мне делать?

– Забирайте домой. А лучше подыщите какой-нибудь хоспис.

– Домой я не могу. У меня работа. А хосписы переполнены – я узнавала. Юлий Борисович, миленький, я вас очень прошу! Пусть она у вас еще немного побудет. Ну, некуда мне ее! Сделайте какую-нибудь наценку за вредность, я не знаю. Что угодно, но не домой.

– У нас в столовой ремонт бы не мешало сделать...

– Понятно! – быстро киваю я.

– Вы же в строительной фирме работаете, если я ничего не путаю?

– В строительной. Да.

Еще бы он попутал. Полгода назад ровно под таким же предлогом я была вынуждена отремонтировать уличный павильон.

Сижу, прикидывая, как бы мне все обтять. Заказов у нас на фирме – тьма. Людей не хватает. Приходится брать на субподряд. Так что есть у меня на примете пара бригад. А тут и одной хватит. Ухожу, пообещав Семенову все в лучшем виде сделать. Сажусь в остывшую машину. Меня до сих пор немного трясет. Как представляю, что буду вынуждена терпеть мать дома – так кровь стынет. Может, я и плохая дочь, но и от нее я не видела ничего хорошего. Что посеешь, то и пожнешь. Я преодолеваю себя, даже просто навещаясь к матери раз в неделю.

Бесконечный какой-то день. Вернувшись домой, принимаю душ и заваливаюсь в кровать. Мне уютно и хорошо в моей квартирке. Засыпаю быстро. А просыпаюсь от того, что кто-то весьма настойчиво ломится в дверь. Испуганно подбегаю к глазку. На пороге дует пузыри из жвачки моя соседка.

– Настя? Привет. Что-то случилось?

– Здравствуй! Ты что, забыла? Я ж тебе разбор гардероба обещала. Чего стоишь? Дай пройти. Послушно отодвигаюсь.

– Я забыла совсем, да. Может, ну его?

– Ты что? Не хочу остаться в долгу. Я без тебя со всеми этими налоговыми вычетами в жизни бы не разобралась. А так, считай, денежки на кармане.

– Да пустяки. Дел на полчаса.

– Судя по одежде, которую я на тебе видела, мы тоже быстро управимся. Сожжем ее, и все дела. Когда там Масленица?

– А что? – удивляюсь я такой резкой смене темы.

– Зачетный выйдет костер.

Настя мнит себя стилистом. Ну не знаю. Сама она одевается так, что я не очень стала бы доверять ее вкусу.

– Нормальные у меня вещи, – обижаюсь, – дорогие!

– Посмотрим, – угрожает Настя. – Ставь чайник. Я не успела даже кофе выпить. Не знаешь, какого хрена я тебе на такую рань назначила?

– Так, может, ну его? – опять предлагаю я. – Ходила же я как-то в своем.

– В том-то и дело, что как-то. – Настя закатывает глаза и весьма бесцеремонно заваливается в мою спальню. Распахивает дверцы шкафа. Вываливает на кровать содержимое, не потрудившись снять его с вешалок. Оживляется у ящика с бельем. Надеюсь, я не покраснела. Не пристало такой взрослой тетеньке, как я, стесняться писюхи двадцати лет от роду.

– А ты, Нинок, не безнадежна!

– Спасибо, – закатываю глаза. – Пойду, хоть умоюсь.

– И кофе сварить не забудь! Голова ни черта не соображает. А тут такая нелегкая, блин, работа.

– ... из болота тащить бегемота.

– Что ты сказала?

– Это не я. Это Чуковский, – кричу уже из ванной.

– Мужик твой, что ли? Ну и фамилия.

На языке крутится «Что за молодежь пошла?! Чуковского не знают!». Посмеиваясь над своими старушечьими закидонами, выдавливаю пасту на электрическую щетку. Интересно, что дальше? Стану в церковь ходить? Разведу на окне рассаду?

Полощу рот, умываюсь. Из зеркала на меня смотрит зеленоглазая длинноволосая женщина. Если мне что-то в себе и нравится, то это глаза и волосы с легкой рыжинкой. И то, и другое, кстати, досталось мне не от матери. От той у меня только комплексы. Снимаю бесформенную ночную сорочку. Надеваю миленький домашний костюм. Варю кофе и возвращаюсь в спальню с двумя полными чашками.

– Короче. Это годится, – тычет Настя пальцем в одну кучу. – Это – сжечь и забыть. – Забирает из моих рук чашку. Садится поверх шмотья на растопку. – Сейчас еще глянем обувь. И поедem в магаз кой-чего прикупить. Потом я тебе покажу, что и с чем можно миксовать. Сделаю фото, чтобы ты не запуталась. – Надувает пузырь, тот лопается с веселым хлопком.

– Как? Сейчас в магазин?!

– Нет, послезавтра, – Настя закатывает глаза так усердно, что становится даже жутковато. – До обеда я свободна. С Мишкой мама сидит. Давай, еще твои аксессуары глянем, и выдвигаемся. Как у тебя, кстати, обстоят дела с украшениями?

Настя в свои двадцать успела родить. Смотрю на нее и завидую. И тому, что ей мамой довелось стать, и тому, что она в свои двадцать вот так себя уверенно чувствует.

– Вот, – беру шкатулку. – Здесь все, что есть. Ты чего так на меня смотришь?

– Ну-ка покрутись! – Настя странно на меня пялится и описывает несколько кругов пальцем с хищным маникюром.

– Зачем это? – поджимаю губы.

– Покрутись, говорю! – бьет меня по заднице. Я, наверное, от шока кручусь. – Ни хрена себе орех! Ты зачем такую фигуру прятала?

Издевается она, что ли? По привычке комплексую. Мама называла меня пухляшом. А когда я, затравленная, отказывалась от еды, противореча сама себе, кричала, что худая корова – еще не газель, и что надо жрать, чтобы гастрита не было.

– Не прятала я ничего, – бурчу.

– Слушай, уж не твой ли Чуковский тебе гардероб подбирал?

– Нет, – поджимаю губы. Мне, конечно, в какой-то мере даже льстит, что Настя верит, будто у меня может быть мужик. Но вот то, что она этим самым мужиком возомнила покойного Корнея Ивановича – ненормально.

– Ты что, обиделась? Не обижайся! Сейчас столько абьюзеров развелось – мама дорогая. Им только дай, любую женщину превратят в клушу. А ты ничего. Огонь-баба. Мужики, наверное, шеи сворачивают. Вот твой Чуковский и бздит, что тебя уведут. Мой Лешка тоже как-то попытался попенять меня длиной моей юбки. Так я ему сразу на дверь указала. С ними только так надо. Больше он мой гардероб не комментирует.

Дожилась. Двадцатилетняя соплюха учит меня жизни! Кошусь на собственное отражение в зеркале. Где она, интересно, огонь-бабу увидела?

– Широковатые у меня бедра.

– С ума сошла?! Это же сейчас самый топ! Ты что, Ким Кардашьян не видела?! Да за ней все приличные дизайнеры в очередь выстраиваются. Совсем ты со своей бухгалтерией от жизни отстала. Но ничего! Мы это исправим. Денег побольше бери.

– Возьму, конечно. Не подскажешь, где? – язвлю.

– Кто из нас бухгалтер? – парирует соседка. – Одевайся уже. Я еще домой заскочу. Мишке сиську дам. А то, боюсь, он после бутылочки грудь бросит.

Проверяю баланс на карте. Я прилично зарабатываю, но и трачу много. То квартиру выплачивала, то машину, ремонт делала, проспонсировала реабилитацию матери. Плюс, что бы там Настя не говорила о моем гардеробе, денег он стоит приличных. Не потому, что я такая уж модница, а потому что должность обязывает.

Пока Настя кормит сыночка перед выходом, аккуратно складываю отбракованную Настей одежду в пакет. Не факт, что я воспользуюсь ее советом и куплю что-то новое. Мало ли, какие варианты она предложит. Так что лучше не торопиться с разведением костров.

Удивительно, но мы неплохо проводим время в торговом центре, хотя и постоянно спорим.

– Я не буду в этом ходить!

– Это называется топ. Он жутко тебе идет. Мы берем, девушка, – уверенно кивает консультантке.

– Леопард! Я бухгалтер, а не порнозвезда!

– Леопард нынче снова в моде! Вот с этим красным костюмом – вообще огонь...

– С красным? Я бухгалтер, а не клоун, – повторяю, как заведенная.

– Что ты бухгалтер, уже в курсе весь магазин. Примерь! И если не понравится – брать не будем.

А мне нравится! Мне, черт его дери, та-а-ак нравится! Я как будто и не я вовсе.

– И этот ремень. Он, конечно, капец какой дорогой, но эта талия стоит того, чтобы ее подчеркнуть.

Закусываю губу. Гоню от себя насмешливый голос матери...

– Ну, что скажешь? – сверкает довольно глазищами Настя.

– Ты почему в наш дом только в этом году переехала? – шмыгаю носом я.

Глава 4

Ставрос

– Вика где?

– Вика?! – возмущенно пыхтит Азаров. Потом выдыхает резко, понимая, что перегнул. Сжимает кулаки с силой. – Простите, Ставрос Агафоныч, но это все, что вас сейчас волнует? Мы в гребаном обезьяннике!

– Вот именно. Надо проследить, чтобы с Викой ничего не случилось. Она выглядела очень напуганной.

– Как и еще пара десятков детей вокруг! Может, вам стоило об этом подумать, прежде чем устраивать драку в парке аттракционов?!

Встаю. Красный туман перед глазами, конечно, уже не такой плотный, но до конца все же не развеялся. И судя по тому, как меня подрывает, развеется он нескоро.

– Тот урод назвал мою дочь хачевским выблядком. И толкнул. Он ее толкнул, Никита Семенович. Восемилетнюю, мать его, девочку.

Зубы сводит. Руки сжимаются в кулаки. Да, может, и перегнул. Но блядь. Забрало упало, когда увидел, что тот боров к моей маленькой дочери лапы тянет. Впрочем, даже с опущенным забралом я вполне осознавал, что делаю. Когда брызнула кровь, я испытал чистый, ни с чем несравнимый кайф.

– Ладно, что уж? – осекается Азаров. – А по поводу Вики вы не волнуйтесь. С ней моя жена. Ваш звонок нас с полдороги выцепил. Мы от родителей как раз с Ликой возвращались. А ведь мы вполне могли и до вечера задержаться! Неизвестно, сколько бы вам пришлось здесь тогда куковать.

– Спасибо, что оперативно приехал, – морщусь, потирая запястья. Никто со мной не нежничал, застегивая браслеты. Теперь неприятно ноет. – Она точно держится? – переживаю за дочь.

– Да. Чай с Ликой пьют возле дежурки на стульчиках. Болтают о своем, о женском.

Закатываю глаза. Да уж. А я малую хотел в кафе сводить. Вот тебе и провели время вместе.

– Что ж не выпускают?

– Небыстрое это дело, Ставрос Агафоныч. Вы мне лучше вот что скажите. Не могла ли это быть намеренная провокация?

Хм. Значит, не у одного меня мелькнула такая мысль. Пожимаю плечами:

– Как ты понимаешь, мне об этом никто не докладывал.

– На уголовку тянет, – отчитывает меня Азаров, как пацана. А я молчу. Потому что даже если так, ни о чем не жалею. Мудак заслужил и выгреб. – Мы, конечно, попытаемся замять...

– Это каким же образом? – заподозрив неладное, недобро сощуриваюсь.

– Как вариант – перекупим.

– Ни за что.

– Ставрос Ага...

– Ни! За! Что! Я не буду платить этой гниде.

– Назло кондуктору пойду пешком? – удивляется Никита моей принципиальности, как раз в тот момент, когда дверь в кабинет открывается, и хмурый дядька в форме бурчит:

– Николоу, на выход.

– Я могу быть свободен?

Дядька отрывисто кивает и пропускает нас с юристом вперед. Идем по пропахнувшему пылью и отсыревшей бумагой коридору к лестнице. На стенах ментовки огоньки. Сюрреалистическая картина. Спускаемся. Я впереди, Азаров тащится за спиной, капая мне на мозг:

– А если все эти попытки направлены на то, чтобы просто выдворить вас из страны? Вы же понимаете, что это теперь – раз плюнуть.

– Слушай, у меня тут немаленький бизнес. Ну, кто меня выдворит?

– В том-то и дело! Знаете сколько желающих оттяпать от вашего пирога? Не удивлюсь, если там и от миграционной службы желающие.

– Раньше до этого не докапывались, – пожимаю плечами.

– Так то раньше.

Слова Никиты Семеновича тонут в визге, с которым, завидев нас, мне навстречу устремляется дочь.

– Папочка! Папочка! – и ревет, ревет! За последний год она ужасно вытянулась и повзрослела, внутри оставаясь еще совсем ребенком.

– Привет, моя хорошая. Ну как ты тут?

– Я нормально. А тебя посадят в тюрьму? А меня? Меня тоже посадят? – ахает.

– Никто никого никуда не посадит. Добрый вечер, – максимально приветливо здороваюсь с Никитиной женой. Девушка идет за моей егозой по пятам. В джинсах, свитере под горло и пуховике. Видно, что и впрямь я парочку выдернул с отдыха. Сам Никита Семенович тоже одет кое-как. Ну и ладно. Я ему достаточно плачу, чтобы иногда подкидывать работенку по воскресеньям. Спасибо ментам, хоть позвонить дали.

– Машина-то ваша где? На стоянке в парке осталась?

Киваю. Носом зарываюсь в темные волосы дочери. Пусть у нас здесь огромная греческая община, друг у друга есть только мы. Случись что со мной, одна Вика, конечно, не останется, но...

– Все хорошо, мое сокровище. Все хорошо.

Викина мать погибла, когда ей было три. Несчастный случай. Катались на лыжах, упала, ударилась головой о каменный выступ. Мгновенная смерть, к которой нас ничего не готовило. Мы жили не очень хорошо, но такого я ей не желал – факт. Талия была дерьмовой женой. Ревнивой, холодной, всегда и всем недовольной, шумной. Она постоянно меня пилила. В основном за то, что много работаю и уделяю ей мало времени. А еще, что недостаточно нежен в постели и слишком активен. Особенно дерьмовые времена были тогда, когда у нас не получалось зачать ребенка. Иной раз неделями секса было не допроситься. А потом он стал регулярным. Строго по расписанию даже. Я, блядь, как кобель на случку ходил. Исключительно, когда овуляция. Иногда до того доходило, что мне не хотелось возвращаться домой вообще. Подъеду к подъезду (мы тогда еще в скромной квартире жили) и сижу в машине, не поднимаюсь. Такая вот семейная жизнь. Но когда Вика родилась, все более-менее наладилось. Талия переключилась на малышку. Я, оставив попытки получить секс, который бы меня удовлетворил в браке, стал в свое удовольствие погуливать. И как-то все нормализовалось. Притерлось. Стало как у всех. А потом бах – я вдовец с трехлетним ребенком на руках.

– Так вас подкинуть до машины или домой?

Вопросительно смотрю на Вику. Та шмыгает красным носом.

– Домой!

Киваю:

– Давай домой. Тачку попрошу кого-нибудь пригнать.

Азаров мне, как своему шефу, предлагает сесть вперед. Качаю головой. Забираюсь с Викой назад, та опять обнимается, ластится. Перенервничала моя маленькая.

– Викусь, все будет хорошо, правда.

– Я испугалась, – хлопает длинными ресничками.

– Я знаю. Извини. Больше такого не повторится.

– Как знать, – мрачно отзывается Никита Семенович с водительского кресла. – Что-то мне это все не нравится. Завтра весь офис поставлю на уши. Нужно понять, что за дерьмо происходит.

– Никита! – толкает в бок мужа Лика, кивая на стихнувшую в моих руках Вику. – Не выражайся.

– Извините, – спохватывается тот. Безразлично машу рукой. Растить свою дочь совсем уж в тепличных условиях не вижу смысла.

Город пуст. Доезжаем быстро. Вика, умаявшись, засыпает, уткнувшись носом мне в свитер. Приходится будить.

– Спасибо, что подвез. Завтра в девять жду всех у себя.

Дома разогреваю приготовленный домработницей ужин. Накладываю себе, дочке. Может, надо было искупить свою вину перед ней, заказав пиццу. Но пока ее привезут – загнемся.

– Ну, как ты, малыш?

– Да нормально. Испугалась немножко.

– Все будет хорошо, – проходя мимо дочки, опять целую ее в макушку. Как вспомню, что та мразь про нее сказала, так в башке шумит. – Ты только бабуле ничего не говори, окей? А то знаешь, какой она шум поднимет? – морщусь. Теща у меня не подарок. И так всюду сует свой нос. Не хватало еще ее причитания и советы выслушивать.

– Не скажу, – обещает дочь, ковыряясь в макаронах, не отрывая глаз от моего старенького айфона, который я ей передал по наследству, когда купил себе модель поновей.

– Что ты там делаешь? – тычу вилкой в телефон.

– Выкладываю видео, где я катаюсь на карусели.

– Сколько раз просил тебя за едой не сидеть в гаджетах?

– А я уже все. Спрятала, – хитро улыбается Вика, откладывая айфон вниз экраном.

– И типа не считается? – хмыкаю.

– Ага!

Складываю тарелки в посудомойку, когда телефон звонит у меня. Настороженно принимаю вызов. Звонок прокурора вечером в воскресенье явно не к добру.

– Привет рецидивистам!

– И вам не хворать, – не очень искренне смеюсь. Мурат Аркадьевич мне недолго подыгрывает и практически сразу переходит к делу.

– Я тут кое-что интересное узнал. По твоему случаю. Может, совпадение, конечно, но верится в это с трудом.

– Выкладывай.

– Наверное, слышал, недавно Степанов выдал свою дочку замуж.

Степанов, можно сказать, мой конкурент. Мы регулярно претендуем на одни и те же тендеры и земельные участки. Так что хочешь не хочешь, а за его жизнью следишь.

– Угу, я в курсе.

– А за кого, не догадался поинтересоваться?

– Да как-то не приходило на ум. А что?

– Угадай, где парень трудится не покладая рук?

– В миграционке, что ли? – вскидываю брови.

– Так точно. И семейка опять же у него непростая. Папа в УВД не последний человек. Мама – судья. Касаткина, ты, наверное, про такую не слышал. Она в общей юрисдикции.

– Ага. Не слышал. Я-то больше по арбитражам.

– Ну, вот и делай выводы, с чего вдруг такая активность. А ты им еще подыгрывать вздумал.

– Так уж получилось. Ты бы тоже, Мурат Аркадьевич, на моем месте бы не сдержался.

- И то так. Дочка – святое. Азаров подсказал, что тебе с пострадавшим делать?
- Ага. Откупиться, – фыркаю. – Но я, как ты понимаешь, пас.
- Правильно. Еще чего вздумал – платить всяким уродам. Там нужно действовать по-другому.
- Есть какие-нибудь идеи? – вцепляюсь в слова Бадоева тут же.
- Еще бы. Встречку на него накатай, мол, ходил извращенец, размахивал непотребством у детей на глазах. Предлагал потрогать. Парень сдуется на раз-два, вот увидишь. Еще и тебе заплатит.
- Слушай, я до такого бы не додумался. Вот что значит – опыт, – смеюсь.
- А то! Ты мне лучше вот что, Ставрос Агафоныч, скажи. Как ты дожился, что тебя мелкая сошка из миграционки к ногтю прижать может? Сделал бы уже гражданство. Столько лет тут бизнес строишь, а все никак.
- Да как-то не было у меня раньше по этой части рисков.
- А теперь появились. Что делать будешь?
- Понятия не имею. Надо подумать.
- На гражданство подавай. Мой тебе совет.
- Оснований нет, – открываю холодильник, достаю минералку. Бутылка моментально запотевает.

– Так озаботься. Основанием-то. – Смеется. – Ну ладно. Я что хотел – сказал. А там – сам смотри. У тебя целый штат юристов. Придумают что-нибудь.

Бадоев отключается. Я заглядываю к Вике. Дочь лежит на кровати. На голове светящиеся наушники. Болтает ногами в такт музыке. Значит, все-таки испугалась несильно. Вот и хорошо. Убедившись, что все в порядке, иду к себе. Укладываюсь в постель, хотя еще рано. Завтра надо будет что-то с этим решать. Так не может продолжаться, и правда. Где же выход? Беру телефон. Вбиваю в Гугл «основания для приобретения гражданства». Первым в списке, как ни странно, вылезает «брак». Ну... Наверное, логично. Только я теперь по доброй воле ни за что не женюсь. Ни на гражданке, ни на ком бы то ни было. Однажды я был женат, знаю, как оно. Холостым в миллион раз лучше. Или в моем случае надо говорить «вдовцом»? Впрочем, какая разница? Суть от этого не меняется.

Откладываю телефон. Закидываю за голову руки и вырубаясь быстро, даже не поцеловав Вику на ночь. Исправляюсь утром. Та дрыхнет – у нее с сегодняшнего дня каникулы. А у меня еще несколько рабочих дней перед новогодними каникулами. И целая куча проблем. На еженедельное совещание являюсь в числе опоздавших. Поэтому начинаю сходу. На границе встала огромная партия лифтов. Лес прибавил двадцать процентов в цене...

– Уф... Извините за опоздание, – бормочет Нина Васильевна, тоже опоздав?! – Перед праздниками пробки, – добавляет сухо.

И вроде бы все как всегда. За исключением того, что она впервые на моей памяти явилась последней. Но и что-то как будто бы по-другому... Провожая главбухшу взглядом в надежде понять, что же меня смутило. Нина Васильевна садится. Как обычно. По правую руку. Полы огромного пиджака немного расходятся. Я сглатываю, как дурак пялясь на мелькнувшую и тут же скрывшуюся под скромным шелковым топом ложбинку... Ну что, Ставрос Агафоныч. Одним вопросом, похоже, меньше. С передком у Нины Васильевны тоже все более чем на уровне. Твою ж в бога душу мать!

Глава 5

Нина

Все уже расходятся, когда в прилегающую к кабинету Николоу переговорную с конвертом наперевес забегает его секретарша. Остаемся я, сам Ставрос Агафоныч и Азаров. Вопросы, что хоть отдаленно касались моей работы, закрыты. Можно смело и мне идти. Я торопливо сгребаю блокнот, в котором обычно по ходу совещания делаю себе заметки, и встаю, прижав тот к груди, как щит. Сегодня я не решилась предстать перед коллегами в образе от соседки. Побоялась, что это будет уж слишком нарочито. Как в «Служебном романе», когда Мырма вырядилась. Я такого внимания коллег в жизни бы не пережила. Тем более не имея точной уверенности, какой будет их реакция. Вдруг меня бы за глаза засмеяли? Вот поэтому я в последний момент слилась. Решив, что буду приучать коллег к себе новой постепенно. Из наших с Настей вчерашних покупок я надела лишь красивый шелковый топ. Практически невидный под строгим пиджаком. Да и, в общем-то, скромный. Если сильно не наклоняться, как тогда, когда я изогнулась, чтобы пододвинуть себе стул.

Ох, как Николоу на меня зыркнул!

Или нет? Или показалось? Вдруг я выдаю желаемое за действительное?

Во рту сохнет. Тонкие волоски на руках встают дыбом. Низ живота пульсирует от мощного прилива крови. И видно от этого же моя голова легкая и дурная. В ушах молотит пульс, в его ритме тонут все другие наполняющие кабинет звуки. О чем мой греческий бог шушукается с Азаровым – не знаю, да мне, в таком угаре, и пофиг!

– ... Нина Васильевна... – ноль эмоций. – Нина! – подсказываю. То, что рывкать Ставрос Агафоныч умеет, я в курсе. Но со мной он еще в такой тональности не говорил. Ауч.

– Да? – лепечу, нетерпеливо сжимая бедра.

– Оставайтесь!

– З-зачем? Что-то случилось?

– Нин, ну ты чего, нас вообще не слышала? – хмурится Никита.

– Нет. Я... Извините. Задумалась. Новый год скоро, а у меня конь не валялся, – семеню к столу, поджав губы. – Что? – перевожу взгляд с одного хмурого мужика на другого. Николоу пододвигает мне лежащую перед ним бумажку. Пальцы у него длинные, крупные. Чуть приплюснутые на кончиках. Такие по-мужски красивые, что я бы пялилась на них и пялилась, представляя, как они меня, как я их... Но позвали-то меня не за этим. Облизываю пересохшие губы, демонстративно сосредоточенно вглядываюсь в написанное. Бумага официальная. Это сразу в глаза бросается.

– В смысле – аннулируют вид на жительство? Вам? – открываю рот. – А на каком основании?

– Да наскребли тут кое-чего!

– Как такое могло случиться?

Азаров смотрит на меня несколько раздраженно. Николоу вообще молчит и только бросает на меня странные задумчивые взгляды, пока Никита Семенович вкратце вводит меня в курс дела. Сiju абсолютно пришибленная.

– Как не вовремя Самойлов в отпуск отправился, – качаю головой. Самойлов – начальник нашей СБ. Толковый такой мужик. Возможно, он смог бы помочь.

– Да уж как знал, – хмурится Азаров. – Может, выдернуть его, а, Ставрос Агафоныч?

– Вопрос не по его части, Никита! Кто у нас юрист? Ты. Вот и скажи, что мне в этих обстоятельствах делать?

– Оспаривать. Мы сможем. Прямо сейчас этим я и займусь. Другое дело, что это теперь не прекратится.

– И? Твои предложения?

– Вам нужна страховка!

– Нам всем нужна. Потому что если Ставроса Агафоновича депортируют, наша фирма в два счета загнется, – от сковавшего горло страха мой голос звучит странным образом равнодушно. Со стороны это выглядит так, будто я охренеть как хорошо, ну просто на зависть всем собою владею. На деле я в шаге от лютой истерики. Поводов для нее миллион. Возможный отъезд объекта всех моих сексуальных фантазий, потеря работы, которая не позволит мне оплачивать счета из реабилитационного центра, выжившая из ума мать... Перспективы, в общем, отпад. Они проносятся перед глазами чередой безрадостных кадров. Меня то ужасно знобит, то в адский жар бросает. Распахиваю пиджак. Рукой невольно касаюсь висящей на шее подвески и начинаю ее нервно тереть.

– Никита Семенович, ты это мне сейчас на брак намекаешь?

Чего?! Подвеска выскальзывает из пальцев, я принимаюсь судорожно тереть кожу.

– Вы это озвучили сами. Брак предоставит все основания на получение гражданства. А до этого вас точно не выдворят.

– Сомневаешься, что сможешь оспорить эту писульку? – Николоу кивает на злосчастное уведомление. Утро! А у него уже начал темнеть подбородок. Щетина у Ставроса отрастает с какой-то нечеловеческой скоростью. Дрожу от одной только мысли, что ощутила бы, коснись он меня щекой.

– Смогу, – хмурится Никита Семенович. – Но страховка нам не помешает.

– Д-да, – вынуждена согласиться я. – Только это должен быть человек, которому вы доверяете на сто процентов! Наверняка вы будете под плотным контролем, и если ваша жена хоть кому-нибудь расскажет, что брак фиктивен...

– Вас точно выдворят. Еще и статью пришьют, поставив запрет на въезд, – заканчивает за меня Азаров. Его взгляд горит. Кажется, он только и ждет отмашки для того, чтобы броситься в бой. – Нет, мы, конечно, подстрахуемся, составив брачный контракт, но все же Нина Васильевна права.

Нина Васильевна вообще очень умная, ага. Но и Никита Семенович молодец. Я вот про контракт не подумала. А тот нас действительно защитит. Мало ли, на какой меркантильной сучке женится Николоу. Еще не хватало потом при разводе нам его активы делить! Нет уж, увольте. Я зачем-то открываю блокнот. Интересно, на ком Ставрос женится? На той белобрысой с наращенными волосами, с которой его видели на приеме у губернатора, или у брюнетки с каре больше шансов? А может, у него вообще на примете другая, о которой мы еще не успели узнать. Баб Ставрос Агофоныч меняет с такой регулярностью, что за этим не уследишь.

– Скажите, что у вас есть какие-нибудь идеи! – требует Азаров, нетерпеливо постукивая по полу ногой.

– Много ли на свете людей, кому можно доверять, Никит? – хмыкает Николоу. – Ты, Самойлов. Вон, Нина Васильевна.

Я машинально киваю. Доверие я заслужила, кто ж спорит? Десять лет прошли как один день, я еще у истоков фирмы стояла. Так, стоп. Он же не намекает, что я... Да нет! С опаской отрываю взгляд от блокнота и медленно веду по лицам уставившихся на меня мужиков.

– Ч-что?

– Вы же не замужем, Нина Васильевна?

– А каким боком это... – не договариваю. И снова, не в силах поверить, стреляю, мечусь взглядом туда-сюда. – Вы шутите? Я не собираюсь ввязываться в подобную авантюру.

– Почему? – Николоу складывает руки на широкой груди.

– Почему?! – облизываю губы. Как же жарко! Может, что-то с вентиляцией случилось? Раньше так не было! Вскакиваю, обдуваясь блокнотом, как веером. Плюнув на все, снимаю

пиджак. Ставрос внимательно наблюдает за моими метаниями. Я прямо чувствую, как его взгляд скользит по моей коже, оставляя на ней ожоги.

– Да. Почему? Моя фирма – наше общее детище. Никогда не поверю, что тебе все равно, что с нею станет.

Да ладно! Нет, и ведь знает, гад, на что давить! Соберись, Нинка! Тебе это все не надо.

– А что, Нин! Это самый лучший вариант. Ну, ведь и правда. Как я сам до такого не додумался?! – сокрушается Азаров.

– Ты серьезно, Никит? – я до глубины души возмущена такой подставой. – Хороший же ты советчик.

– А что не так?

– А то! Фиктивный брак – это статья, тебе ли не знать? Да никто не поверит, что мы на самом деле вместе!

– Почему не поверит? – сощуривается грек.

– Из-за ваших женщин, конечно же! Послушайте, стоит хоть кому-нибудь увидеть вас с одной из... из этих барышень, и против меня сразу выдвинут обвинения!

Азаров неохотно кивает, признавая разумность моих доводов.

– Что ж. Значит, мне не стоит ни с кем встречаться.

Ставрос Агафоныч говорит это на полном серьезе. Но мне почему-то кажется, что он надо мной смеется. Я отбрасываю очки и, сощурившись, интересуюсь:

– И долго вы собираетесь придерживаться celibата?

Взгляд Николу темнеет, становится будто вязким. А может, это я сослепу увидела то, чего в нем и близко нет.

– Никит, оставь нас с Ниной Васильной, пожалуйста.

Хочется пропищать – это еще зачем?! Но я не хочу, чтобы мой шеф понял, какая я на самом деле трусиха. И я натужно молчу. Дверь за Азаровым с тихим щелчком захлопывается. Я переступаю с ноги на ногу. Ступни в узких туфлях на каблуках уже огнем горят. Заставляю себя думать о том, как классно будет, когда я, вернувшись в безопасность своего кабинета, их скину и пошевелю пальцами.

– Боюсь, celibат не для меня, Нина.

Да кто бы сомневался! Другое дело, что непонятно совсем, как наш разговор дошел до таких тем!

– Вот и я об этом. Так что ваш план абсолютно несостоятелен. – Мой голос настолько сух, что кажется, будто он даже потрескивает.

– Ну почему же? Можно удовлетворять свои потребности в браке.

– Ч-что, простите? – я нервно оглядываюсь. Нащупываю брошенные на стол очки. Уши меня определённо подводят. Может, хоть глаза не сплхуют?

– Я говорю о том, что ты сводишь мое предложение к каким-то крайностям. Как насчет золотой середины?

Даже не знаю, в какой момент Ставрос начинает на меня наступать, а я – пятиться. Мозг в коме. Голова просто отказывается работать.

– Я не понимаю! – сиплю в отчаянии.

– Что именно ты не поймешь?

Ну, во-первых, как собрать мысли в кучу, когда он так близко?!

– Что вы мне предлагаете! – шепчу едва ли не ему в губы. Так близко он ко мне подошел. Отступать некуда. В мою задницу и так пребольно врезалась мраморная столешница.

– Фиктивный брак на определенный срок с приятным неожиданным бонусом.

– Приятным?!

– Давай проверим, если сомневаешься. Ну же, Нин, не трусь. Вспомни, какой ты была смелой, когда к тебе группа захвата ворвалась.

– Я не трушу, я...

– Ну, вот и хорошо.

И все... Как загипнотизированная, смотрю на его приближающиеся губы. Твердые. Красиво очерченные. Ни черта не нежные. Но это я уже понимаю потом, когда они меня нетерпеливо касаются. Мои веки тяжело опускаются на глаза. Я, совершенно дезориентированная, вцепляюсь в лацканы на его пиджаке. Мне критически много его запаха, его вкуса. Всегда тихий внутренний голос надывается ором. Разгоняет по телу сигналы sos. Боже, как он пахнет! Знакомо, и незнакомо в то же самое время. Как ни странно, летом, солнцем, чем-то острым и терпким. А какой от него идет жар... Кажется, он выжжет меня до пепла, просто стоя так близко. В попытке увеличить между нами дистанцию я отодвигаюсь еще чуть-чуть. И еще. Оседаю на стол. Но так только хуже. Его стояк бесцеремонно прижимается к сладкому местечку между моих широко расставленных ног. Сердце ускоряется. Я бесстыже стону прямо Ставросу в губы. А этот гад довольно усмехается. Отстраняется совсем немного. Спускает бретельки с моих плеч и принимается жадно ощупывать взглядом мое безвольное тело. Прозрачное белье ничего не скрывает. Особенно то, как сильно напряжены мои соски. Я не вижу этого, потому что трушу открыть глаза. Но я же чувствую, боже! Я же все-все чувствую.

– Готов поспорить, что ты потекла, – шепчет этот гад мне на ухо. И тут бы мне его послать, но я только громче всхлипываю. Кто бы мог подумать, что мой чопорный босс наедине с женщиной использует такие пошленькие слова, от которых лично меня просто разрывает на части! – Так каков будет твой положительный ответ? – одна его рука касается моего соска. Другая дергает молнию на брюках. – Может, тебе нужно больше доводов? Так ты только попроси.

Его низкий с легкой чувственной хрипотцой голос разгоняет мой пульс. Открываю рот, чтобы как следует объяснить зарвавшемуся гаду, куда он может идти, и с кем в таком тоне вести беседы. Но тут его пальцы проникают под мои трусики, и меня позорным образом выгибает. Я начинаю брыкаться, чтобы хоть как-то справиться со стыдом. Пальцы Ставроса ерзают без всякого ритма. Просто потому что я дергаюсь, а его рука все еще под моим бельем. По всем законам сексуальности и человеческой природы ничто из этого не может привести к оргазму, но... Он накатывает безудержной, возникающей будто из ниоткуда волной. Наверняка этому как-то способствует то, что я всю свою жизнь провела на сухом пайке. Мне много вообще не надо. Я кончаю, зажав его руку между своими бедрами. Так сладко кончаю, боже... Меня трясет. На глазах выступают слезы. Я хнычу, скулю, захлебываюсь этим яростным оглушающим удовольствием. Теряясь во времени и в пространстве, не могу себя заставить после случившегося даже просто открыть глаза.

– Нин...

– Молчите!

– Ладно, – смеется, – но я же могу расценивать это как «да»?

Глава 6

Ставрос

Озвереть. Других слов здесь не подобрать. В момент, когда мозг отключается, первые реакции вообще самые честные. И ценные. Это за них нужно хвататься, чтобы потом, когда помутнение схлынет, лучше понять себя. Так что не зря я это все затеял. Ой, не зря.

– Ни в коем случае! – шипит Нина, застегивая молнию на брючках. Лямки топа она вернула на место за секунду до этого. Смешная. Да я все запомнил в таких деталях, что и сейчас ее вижу голой. Почти. В тонком, ничего не скрывающем пенно-белом кружеве, одна функция которого – заводить. Потому как ничего поддерживать и пушاپить там уж точно не надо. Сиськи у моей будущей жены идеальные. Размер (полномерная троечка), упругость, форма сосков... Последнее – каждый раз ведь какой-то сюрприз, и не всегда приятный. А между тем именно женские соски – мой личный фетиш. У Нины они роскошные. Маленькие, в окружении небольших розовых ареол. Одернув себя, трясую головой. Этот вопрос выяснен и закрыт. Теперь бы мне следовало сосредоточиться на другом. Не менее важном.

– П-поверить н-не могу, что в-вы это сделали!

Не пойму, почему. Решения я всегда принимаю быстро. Так устроен мой мозг. Я мгновенно просчитываю любую, даже самую сложную ситуацию. Нахожу все возможные из нее выходы, взвешиваю риски, нащупываю подводные камни. И уже без всяких сомнений и колебаний выбираю, как поступить. В ситуации с Ниной я тоже все для себя понял практически сразу же. Азаров еще договорить не успел, а я уже прикинул все плюсы и минусы нашего брака с Лунопопой. Плюсов оказалось море. Мы были с ней на одной волне, жили одними и теми же проблемами. Она ни за что не стала бы меня пилить, просто потому что знала, как я впахиваю. Да и вообще была редкой умницей. Тихой, исполнительной, верной, старательной. Думаете, я на кой черт к ней полез? Захарассить? Да ну. Не мои методы. Если бы Нина Васильевна съездила мне по морде, или как-то еще выразила свое неудовольствие, я бы тут же отпустил ее с богом. И все бы осталось как прежде. Я в жизни бы ничего ей не предъявил, не поставил в упрек и уж тем более не уволил бы.

Но она не съездила. Она кончила с таким пылом и скоростью, как будто только и ждала, когда я залезу к ней в трусики.

Так я получил ответ на единственный свой вопрос, который еще оставался открытым. Подойдем ли мы друг другу в постели?

Потому что Азаров прав. Женившись, я не смогу себе позволить блядовать, как раньше. И дураку понятно, какому пристальному вниманию со стороны миграционки будет подвержен мой спешный брак. Здесь нельзя рисковать, если я никого не хочу подставить.

Но и без секса я долго не протяну. Так что надо было уточнить этот момент, да. И я его уточнил. Грубо? Ну, может быть. Зато без прикрас и экивоков. Менять себя уже поздно, пусть видит сразу, что ее ждет, чтобы не дай бог не повторилась моя ситуация с первой женой. К чему я не готов, так это к тому, чтобы кто-то снова выносил мне мозг.

– Сядь, Нин. И давай уж на ты.

– Нет, я...

– Истерик мне не надо, – морщусь, – либо мы говорим как взрослые люди и договариваемся, либо – шуруй к себе. Но тоже без истерик. Сделаем вид, что ничего не было. Ситуация у меня – ты знаешь какая. Ее надо решать.

– Интересные у вас методы! – фыркает.

Кончики моих губ трогает улыбка. Я невольно смягчаюсь, глядя на нее такую... вспенную.

– Надо же нам было как-то понять, подходим ли мы друг другу.

Румянец на лице Лунопопой сгущается. Нина ерзает на стуле. Ауш. Господи, да я голову готов дать на отсечение за то, что прямо сейчас она не отказалась бы от добавки! Только-только успокоившиеся нервы натягиваются до предела. Во рту сохнет, как у заплутавшего бедуина.

– Это очень странно.

– Ну, уж как есть. И тебе понравилось. Я могу, конечно, повторить, если...

– Нет! Я обойдусь!

Всегда ровный голос Лунопопой срывается. Она полна сюрпризов. С ней мне точно не заскучать.

– Значит, тут у нас разногласий нет?

– Нет. – Опускает глазки. Ну-ну, как будто от меня укрылся бушующий в них шторм. А вот фиг тебе, Нина Васильевна. Ты у нас горячая штучка. Теперь прячься – не прячься, я все про тебя знаю. Под твоими льдами, затаившись, дремлет супервулкан.

– Отлично. Потому что меня все тоже более чем устроило.

– Но вы же... Ты же...

– Не кончил. С этим ты мне можешь помочь, когда мы обо всем договоримся, – дразню Нину, нащупывая пределы. Она краснеет просто мучительно. Вздрагивает, как заяц, целиком и полностью оправдывая свою смешную фамилию. Но когда говорит, ее голос звучит знакомо сдержанно. Я бы даже сказал – отстраненно:

– Я еще ни на что не согласилась.

– И то так. Ну, что я тебе предлагаю, ты знаешь. Давай тогда быстренько пройдемся по твоим вопросам.

– Каким вопросам? – поджимает губы.

– Какие-то же вопросы у тебя ко мне остались?

– Да их тьма! Мы ничего толком не обсудили. Вы предлагаете мне фиктивный брак, но он будет не совсем фиктивным...

– Вот именно. Совсем фиктивно – не выйдет. Азаров объяснил, почему. У тебя с этим какие-то проблемы? Ты не любишь секс?

– Не в этом дело!

– Вот и хорошо. Потому что трахаться мы будем часто.

– Трахаться... – задыхается Лунопопая.

– Да, именно так, – продавливаю ее взглядом. Иначе никак. Это принципиальный момент. Нужно, чтобы она поняла, и не строила насчет меня никаких иллюзий. – Сразу предупрежу, что я не особенно романтичный парень. Все будет ровно так, как на этом столе, Нина. Жестко, много, грязно. Если ты видишь это как-то иначе, ставим точку в разговоре и расходимся. Выпрашивать, кружить около, якобы завоевывая, я не умею...

– Брак по расчету этого и не предполагает, – перебивает меня, деловито поправляя очки. Моя ж ты умничка! Хочется обнять ее за такую покладистость. – По поводу интимной стороны вопроса, думаю, мне все понятно. Теперь можем перейти к более насущным вещам.

Нина открывает блокнот, берет ручку и принимается в нем что-то писать.

– Нин, ты что делаешь?

– Набрасываю основные пункты нашего договора. Итак... Что даю я вам, понятно. Совместное проживание... Кстати, где?

– У нас с дочерью дом. Ты переедешь к нам на время нашего брака.

– Надо бы уточнить адрес. И срок самого брака. Как думаете, полугодика хватит?

– Мы же вроде уже перешли на ты! – не упускаю случая ей напомнить. – Полгода – мало.

Люди дольше гражданства ждут.

– Год? – сводит брови.

– Не так уж это и много! – отчего-то злюсь я.

– Не скажи. Никто из нас не молодеет. Кроме того, в течение этого срока моя личная жизнь будет стоять на паузе. Наверняка ведь предполагается, что ни с кем другим я не смогу встречаться?

– Ты зришь в корень, – сощуриваюсь. Ревность берется из ниоткуда. Концентрируется, густеет в воздухе. Что глупо примерно так же, как и неподконтрольно. Темперамент у меня ого-го. – С этим могут возникнуть какие-то проблемы? У тебя кто-то есть?

– Нет на данном этапе. Но ведь ничего нельзя исключать. Я хочу семью, детей... Когда-нибудь.

– Кстати, о детях. Ты на таблетках?

– Нет. – Нина бросает на меня быстрый взгляд и снова утыкается в злосчастный блокнот.

– Дети мне ни при каких условиях не нужны. Следует позаботиться об этом. Имея постоянного партнера, я бы предпочел отказаться от презервативов в пользу таблеток. Если тебе они, конечно, не противопоказаны. – Нина опускает голову еще ниже. – Что это означает, Нин? У тебя есть какие-то возражения? – хмурюсь.

– Нет. Просто неловко, что Азаров будет в курсе таких подробностей. Не бери в голову.

– Тут без вариантов. Привлекать другого юриста я не стану. Сама понимаешь, насколько это деликатный вопрос.

– Да. Понимаю, – ну вот, опять поджигает губы.

– Ты записала? Никаких детей. Надо прописать ответственность за нарушение этого пункта.

– Штраф? – вскидывается Нина. – Хорошая мысль. Кстати, думаю, за измену он бы тоже не помешал.

– Ты собираешься мне изменять? – подкалываю.

– Нет! Речь сейчас скорее о тебе. Извини, Ставрос, но учитывая славу, которая за тобой тянется, я в этом браке не смогу расслабиться ни на секунду.

– Ревнуешь?

– Не хочу, чтобы против меня выдвинули обвинение по статье о фиктивном браке.

– Этого не будет. Моего слова тебе недостаточно?

– Не в этом вопросе. Прости. Думаю, миллиона за каждый установленный случай измены будет достаточно. – Лунополая закусывает губу, старательно выводя на бумажке шесть ноликов.

– Да ты не мелочишься! – присвистываю восхищенно.

– Меньшая сумма вряд ли вас дисциплинирует.

– Ты уж определись – ты, вы.

– Я десять лет соблюдала субординацию. Не так-то просто избавиться от привычки тебе выкать.

В этом, блин, что-то есть. В том, что мы обсуждаем наш брак так сухо, сдержанно, как до этого сто раз с ней обсуждали всякие рабочие моменты. Мне нравится. Не могу не улыбаться. Хотя ситуация, мягко скажем, не располагает к веселью. То, что я согласился на брак, говорит лишь о том, что меня таки сумели припереть к стенке.

– Что еще?

Нина задумчиво теребит подвеску.

– Не знаю. Навскидку так и не скажешь. Может, Азаров нам что-нибудь посоветует?

– Вероятно. О росписи я договарюсь. У меня есть знакомые в ЗАГСе.

– Ладно. А ваша дочь...

– А что она?

– Вообще в курсе? Для девочки это может стать неприятным сюрпризом. Да и вообще мы как-то не обсудили этот довольно важный момент.

– Обсуждать здесь нечего. Надо сделать так, чтобы Вика не успела к тебе привыкнуть. Иначе ей будет больно, когда мы разведемся.

– Но мы же будем жить в одном доме... – вот тут в голос Нины и возвращается неуверенность.

– Ничего. Дом у меня большой. Будут еще идеи? Или я вызываю Азарова?

– Вызывай.

А дальше все закручивается просто с какой-то невероятной скоростью! Самым сложным оказывается договориться с ЗАГСом. Там уже все расписано перед новым годом. И даже своим, даже за деньги не втиснуться. Приходится просить, чего я вообще терпеть не могу делать. Лезть в глаза. Суесться. Спасает лишь то, что нам и даром не далась торжественная роспись. Хотя, может, для картинки она бы не помешала. К черту! Пусть в миграционке докажут, что я не по большой любви женюсь. И до того меня вся эта канитель закручивает, что о своей невесте я вспоминаю, когда ее уже и след простыл. Приходится ей звонить.

– Завтра к одиннадцати надо быть в ЗАГСе.

– Хорошо. Буду. Что-нибудь еще?

А черт его знает! Я вообще почему-то ужасно раздражен. Может, все дело в том, что в глубине души я надеялся на ответную любезность от Нины? Если честно, я вообще только о том и думал.

– Да. Принарядись. Чтобы не возникло вопросов – сама знаешь, у кого.

– Ладно.

Какая красноречивая, блин. Самой-то наверное, хорошо. А я вспоминаю утро и... Мне плохо. Мне очень-очень плохо. Я просто горю.

– А ты как? Чем вообще занимаешься?

– Пакую вещи. Мне же завтра предстоит переезд.

– А... – замечаю глубокомысленно.

– У тебя все? Потому что у меня правда очень много работы.

– Да-да. Не отвлекаю.

– Слушай, Ставро, я тут подумала, наверное, будет правильно устроить в офисе небольшой праздник.

– Проставиться, в смысле?

– Ну да. Не то это будет как-то подозрительно, тебе не кажется?

– Угу. Я что-нибудь придумаю.

– У Лены есть номера кайтеринговых компаний, с которыми мы обычно сотрудничаем. Я бы этим занялась, но мне надо...

– Собрать вещи. Я помню.

– Именно.

– Сам справлюсь.

– Может, ничего и не выйдет. Перед новым годом у них наверняка миллион заказов.

– У меня блат. Здесь все рестораны принадлежат грекам. – Смеюсь.

– А ничего, что я не гречанка?

– Ничего. Это же фиктивный брак.

– Но они-то об этом знать не должны!

– Конечно. Скажу, что без памяти влюбился, – смеюсь, Нина на том конце связи тихо вздыхает.

– С дочкой не забудь поговорить. Ей будет сложно.

– Поговорю. Ну, все, давай. До завтра, Лунопопая, – не могу удержаться от подкола. А что? Она моя. Я ей это с тех пор, как увидел, хотел сказать. Теперь можно ни в чем себе не отказывать. – Наденешь для меня те красные трусики?

Глава 7

Нина

Обрубаю связь и, будто это поможет, прячу телефон под грудку разбросанных на кровати вещей. Сердце гремит. Лицо примерно такого цвета, как упомянутые моим женишком трусы. Жалобно хнычу и заваливаюсь на бок. Ох, он и гад! А сколько лет мимикрировал под приличного! Я же даже после случая с неудавшимся обыском удивлялась, какой он деликатный. У меня сердечко захлебывалось восторгом. И вот.

«Наденешь для меня те красные трусики?»

Закусываю до легкой боли губу. Подтягиваю к груди коленки. Сколько раз я за этот день зачарованно трясла головой, проверяя, уж не чудится ли мне все случившееся. Ведь даже в самых смелых моих фантазиях грек не был таким, как сегодня! Да я и мысли допустить не могла, что этот с виду интеллигентный, сдержанный мужчина когда-нибудь заявит, что мы будем грязно и часто трахаться. Используя именно эти слова, ма-моч-ки! Глядя на меня так, будто он только и ждет, как бы скорее продолжить то, что им было начато на столе.

Вот что по-настоящему шокировало. А все остальное, о чем Ставрос меня настоятельно предупреждал (про «ни за кем не буду бегать» и «выпрашивать»), мне как раз изначально понятно было. Не тот он человек, чтобы ходить с протянутой рукой. Ему вообще чужды сантименты. Он такой... конкретный, четкий, ни единого лишнего движения. Да? Да. Нет? «Сделаем вид, что ничего не было». И ведь сделал бы. Даже не сомневаюсь. Сумел же он сделать вид, что не видел меня обнаженной до пояса? А теперь вот. Лунопопая, говорит. Лунопопая, мать его! Это потому что моя задница огромная, как Луна?

Вскакиваю. Обтягиваю бедра трикотажем футболки и поворачиваюсь тылом к зеркалу на шкафу. Сегодня я на нервах весь день голодала. Вот если бы эффект сразу был виден! Не жрала – нате, пожалуйста. Минус десять кг. Ну, ладно. Я бы даже минус пяти обрадовалась!

Пока мечусь, кто-то звонит в дверь.

– Настя? А ты чего так поздно? Что-то случилось?

– Я Мишку только уложила спать, – отмахивается соседка, оттесняя меня вглубь коридора. – Ну?! Рассказывай!

– О чем? – теряюсь.

– О своем фуроре! Ты же его произвела, м-м-м? – смотрит на меня с претензией.

Зависаю. Настьке я очень благодарна. Но сейчас мне совершенно не до нее. Надо упаковать вещи и как-то остыть. Потому что чем дальше, тем сильнее моя паника. Что делать – ума не приложу. Я к такому кульбиту судьбы совершенно не готова морально. И дело даже не в моей проклятой девственности. Хотя я не очень-то представляю, как буду объяснять ее наличие Николоу. А в том, что наша связь имеет вполне конкретный срок. Это все равно, что пытаться жить, зная дату собственной смерти.

– Предложение руки и сердца можно считать фурором? – улыбаюсь невесело. Настька комично округляет губы.

– Твой Чуковский, наконец, созрел?! А я тебе говорила! Говорила? Ну! Так с ними надо. Господи, опять она про Корнея Ивановича!

– Вообще его Ставрос зовут. Он мой шеф, – решаю рассказать соседке больше подробностей на случай, если ее будут расспрашивать ребята из миграционки. Надо же подстраховаться!

– А ты еще та штучка, – смеется Настя. – Дай подумаю, в этот момент ты была в бежевой юбке, – хитро щурит глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.